

ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ НАД ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРАВОСЛАВНЫХ ОБЩИН ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960–80-Е ГГ.

В 1958 г. Политбюро ЦК КПСС под руководством Н. С. Хрущёва начало ширококомасштабное наступление на Церковь. В Политбюро полагали, что к 1980 г. будет «в основном» построен коммунизм, не предполагавший места для религии. Власть, нуждавшаяся в пополнении государственного бюджета, прибегла к ограблению Церкви. Наступление на нее в октябре 1958 г. началось со значительного повышения налогов, изъятия части имущества и сопровождалось ужесточением партийно-государственного контроля над жизнью Церкви. В середине 1960–80-х гг. религиозный вопрос потерял свою остроту, но выработанные на рубеже 1950–60-х гг. принципы религиозной политики сохранялись. Давление государства на Церковь не носило в этот период выраженного репрессивного характера, но осуществлялось более изощренными способами.

Задача данной работы – выявить и проанализировать: 1) формы контроля местных партийно-советских органов над деятельностью приходов РПЦ в Иркутской области; 2) меры воздействия этих органов на приходы, направленные на уменьшение количества обрядов, числа прихожан, денежных доходов церквей.

16 марта 1961 г. Совет Министров СССР принял закрытое постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о религиозных культах» за подписью Н. Хрущёва, которое возлагало этот контроль на местные советские органы [1]. Для этого в райгорисполкомах стали создаваться так называемой комиссии содействия по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах (далее – комиссии). Они работали в тесном контакте с уполномоченным Совета по делам РПЦ (далее – СДРПЦ) при СМ СССР, который являлся ключевой фигурой в осуществлении государственной религиозной политики на местах. В Иркутской области эту должность занимали последовательно И. Ф. Голубев (1944–1952), И. Т. Житов (1952–1961), А. А. Веселков (1961–1970), В. Ф. Коростелев (1970–1984), Н. Я. Косымов (1984–1987), В. П. Луковников (1988–1990). Согласно Положению о комиссиях, утвержденному вскоре Иркутским облисполкомом, в их

состав входили депутаты местных советов, работники народного образования, культурно-просветительских учреждений, финансовых органов, пропагандисты и другие лица из местного актива. Председателями комиссий назначались заместитель председателя или секретарь горрайисполкома [2]. В обязанность членов комиссий входило: изучение религиозной обстановки в районе, сбор и анализ данных о посещаемости церквей и молитвенных собраний, изучение степени влияния религиозных обществ на молодежь и детей, проверка правильности учета религиозных обрядов, изучение «идеологической деятельности церкви». Это Положение открыло путь к жесткому администрированию деятельности религиозных обществ со стороны местных органов власти.

21 апреля 1981 г. Иркутский облисполком принял новое Положение о комиссиях содействия, которое объявляло приоритетным направлением работы осуществление контроля «за правильным применением законодательных актов РСФСР о религиозных объединениях <...> чтобы не нарушались права верующих и религиозных объединений» [3] Положение напоминало, что административных прав комиссии содействия не имеют.

К 1971 г. комиссии содействия были созданы в 26 городах и районах Иркутской области, а к сентябрю 1972 г. – в 34 городах и районах [4]. Комиссии работали в тесном контакте с уполномоченным сразу в нескольких направлениях.

1. Снижение религиозной активности населения.

Летом 1962 г. был введен жесткий контроль над совершением религиозных треб – крещений, венчаний, отпеваний. Они вносились в книги с указанием паспортных данных их заказчиков, при совершении треб оформлялись квитанции. Эта мера преследовала сразу несколько целей. Точная и полная информация об участниках церковных обрядов теперь передавалась советским и партийным органам и могла служить способом административного давления на верующих. В результате регистрации треб и оформления квитанций усиливался контроль над денежными поступлениями в церковную кассу. Следовательно, под нажимом членов комиссий содействия увеличивались отчисления церковных средств в Фонд мира, сокращались расходы на содержание духовенства и служащих, взносы в епархиальное управление. Ежеквартально члены комиссий передавали сведения на всех

крещеных в местной церкви в горкомы и райкомы партии по месту жительства принявших крещение. Если же последние проживали в других областях СССР, информация направлялась уполномоченному, который отсылал их своим коллегам соответствующих областей. В некоторых случаях факт крещения детей по требованию уполномоченного предавался широкой огласке: ставились в известность партийные, профсоюзные организации, общественность по месту работы родителей. Наказывались коммунисты, крестившие своих детей: в 1971 г. Тулунский горком КПСС одного исключил из партии, а другого освободил от пропагандистской работы [5].

2. Управление кадрами духовенства и церковных исполнительных органов.

Главной задачей кадровой политики уполномоченных являлось формирование лояльного к советской власти штата духовенства. Беседы с молодыми кандидатами в священнослужители с целью посеять в них сомнения в правильности выбранного пути, перемещение духовенства на периферийные малоодоходные приходы, лишение священников регистрации, вербовка информаторов из среды клириков, предоставление им выгодных вакантных мест в центральных храмах епархии – вот основные механизмы кадровой политики, применявшиеся иркутскими уполномоченными.

Регистрация священнослужителя уполномоченным была самым действенным методом удержания священников в послушании требованиям светской власти. Она состояла в том, что священнику выдавалась справка с обозначением храма, в котором ему полагалось служить. В случае перевода священника на другой приход и расторжения его трудового договора с религиозным обществом его регистрационная справка возвращалась, и уполномоченный выдавал новую справку в другой храм. Если священник увольнялся за штат, справка возвращалась уполномоченному, и священник не имел более права служить. Священников, стремящихся к увеличению роли Церкви в обществе, уполномоченные, как правило, избегали регистрировать на центральных приходах, и наоборот, приветствовали то духовенство, которое не проявляло религиозной активности и готово было в некоторых сферах сотрудничать с властью. Иркутские уполномоченные лишали регистрации духовенство за нарушения культурного законодательства, которыми считались: крещение детей

без согласия обоих родителей, совершение треб без учета и оформления, проведение богослужений в общественных местах, привлечение к церковной службе несовершеннолетних, вмешательство в финансово-хозяйственную деятельность прихода [6]. Правящие архиереи фактически ничего не решали при назначении священнослужителей на приходы, в этом вопросе они вынуждены были прислушиваться к мнению уполномоченного.

Обеспечить лояльность Церкви были призваны меры по контролю за кадровым составом приходских исполнительных органов – церковных советов, «двадцаток», ревизионных комиссий. А. А. Веселков рекомендовал рай-горисполкомам тщательно контролировать состав исполнительных органов с целью не допустить к руководству «фанатиков», «антисоветчиков», «холопов попов и архиерея» [7]. В деятельности церковных исполнительных органов власть не устраивал ряд обстоятельств: стремление к увеличению денежных доходов церквей, учет мнения настоятеля в решении финансово-хозяйственных вопросов, неправильное ведение книг регистрации треб. Не желая передавать персональную информацию о заказчиках треб членам комиссий содействия, работники многих храмов вносили в регистрационные книги неполные сведения (не указывали адрес, паспортные данные, год рождения крещаемого и т. п.). Райгорисполкомы пользовались своим правом отвода отдельных лиц из состава членов церковных исполнительных органов.

3. Контроль за проповеднической деятельностью духовенства.

Согласно отчетам уполномоченных Совета по Иркутской области, в 1960–80-е гг. ежегодно прослушивалось более 200 проповедей, произносимых православным духовенством за богослужением. К их слушанию привлекались члены комиссий содействия, преподаватели философии и научного атеизма вузов, учителя школ. Отчеты о содержании проповедей направлялись уполномоченному, который в некоторых случаях делал священникам замечания о недопустимости тех или иных тезисов и формулировок, выходящих за рамки дозволенного. Уполномоченный периодически доводил до сведения партийных и советских органов содержание прослушанных проповедей [8]. Советская власть выдвигала к проповедям духовенства следующие требования: они должны были содержать не только религиозную, но и так называемую патриотическую составляющую, призывать граждан к

честному труду на благо государства, убеждать слушателей в справедливости советской внешней и внутренней политики, воспитывать любовь к Родине. Углубляться в религиозно-нравственные поучения не рекомендовалось, поэтому религиозная составляющая проповеди сводилась, как правило, к простому пересказу евангельского чтения.

4. Контроль за финансовым состоянием религиозных объединений.

Одной из главных составляющих политики 1958–1964 гг. по отношению к РПЦ было расшатывание экономической стабильности последней. В последующие годы партийное руководство отказалось от политики ликвидации церковной экономики, однако государство продолжало осуществлять контроль над финансовым состоянием Церкви. В Иркутской области основной задачей власти было ослабление финансового положения приходских общин и епархии в целом. Эффективным средством была организация отчислений приходских и епархиальных средств в Советский фонд мира, образованный в 1961 г. А. Веселков назвал вещи своими именами в отчете за 1964 г.: «Значительный рост доходов церквей города привел к значительному улучшению финансового состояния их... Для того чтобы как-то затруднить финансовые дела в церкви, мы проводили работу среди членов церковного совета по перечислению значительных сумм свободных денег в Фонд мира» [9]. В 1960-е гг. в Иркутской области вошла практика, когда комиссии содействия добивались поквартального перечисления приходских средств в размере 10–15 % от денежных доходов за квартал. Практиковались также отчисления на восстановление памятников культуры и архитектуры, в детский фонд им. Ленина и другие общественные организации.

Большинство комиссий было ориентировано на вскрытие нарушений культового законодательства лишь со стороны верующих и священников. Создание и деятельность комиссий содействия способствовали установлению всеобъемлющего контроля над православными общинами в Иркутской епархии. Последствиями жесткого контроля приходской деятельности явилось ухудшение материального положения приходов, замирание проповеднического дела, уменьшение церковных требоисполнений. Печальным последствием проводимой политики было то, что в приходские исполнительные органы проникали люди, далекие

от Церкви, угодные советской власти. Перечисленные мероприятия значительно ослабили приходскую жизнь в Иркутской области в 1960–80-х гг.

Примечания

1. ГАНИИО Ф. 5397. Оп. 5. Д. 15. Л. 40.
2. ГАИО Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 70. Л. 43.
3. Архив отдела этноконфессиональных отношений Управления губернатора Иркутской области и правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям (АОЭОИО) Оп. 2. Д. 13. Л. 16 об.
4. ГАИО Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 86. Л. 44.
5. Там же. Д. 90. Л. 119.
6. АОЭОИО Оп. 2. Д. 5. Л. 2, 35
7. ГАИО Ф. Р-2951. Оп. 1. Д. 63. Л. 30.
8. Там же. Д. 98 а. Л. 5.
9. Там же. Оп.1. Д. 63. Л. 25.

СТЕПАНОВА (ШЕНМАЙЕР) Н. Г.

ВОСТОЧНО-СИБИРСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТОРГА НАЧАЛА XX В. В СТЕНОГРАФИЧЕСКИХ ОТЧЕТАХ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Стенографические отчеты российской Государственной думы представляют интерес для исследователей карательной политики российского самодержавия и революционного движения, содержат разноплановую информацию по вопросам финансирования, хозяйственно-бытового положения, особенностей правового режима каторжных тюрем Восточной Сибири [1]. В предлагаемой статье рассмотрен только один аспект проблемы – отношение депутатов Государственной думы к вопросам содержания политических заключенных в каторжных тюрьмах Забайкалья [2] и Иркутской губернии [3] в начале XX в.

В 1906 г., в соответствии с требованиями циркуляра Главного тюремного управления от 16 декабря за № 24, администрация восточно-сибирской каторги стала вводить в тюрьмах режим, предусмотренный законом. Это означало, что каторжан разряда испытуемых попытались содержать в закрытых камерах в кандалах и выводить их на прогулки небольшими группами. На что политкаторжане ответили протестами. Поскольку за неподчинение предусматривались разного рода наказания, то 2 и 5 марта